

НИКОМУ НЕ РАССКАЗЫВАЙ

ПИНЧУК ЕВГЕНИЙ

18+

Евгений Пинчук

Никому не рассказывай

«Автор»

2026

Пинчук Е. В.

Никому не рассказывай / Е. В. Пинчук — «Автор», 2026

Сборник страшных историй, который заставит ощутить вас ужас, неприязнь, раздражение и другие эмоции, которым вам так не хватает.

© Пинчук Е. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Закладка	14
Глава 1	14
Глава 2	15
Глава 3	16
Глава 4	18
Последний пассажир	20
Глава 1	20
Глава 2	22
Глава 3	24
Глава 4	25
Сырьё	26
Глава 1	26
Глава 2	28
Глава 3	30
Глава 4	32
Эпилог	34
Диагноз	35
Глава 1	35
Глава 2	37
Глава 3	39
Глава 4	41
Глава 5	42
Последний зуб	44
Глава 1	44
Глава 2	46
Глава 3	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Евгений Пинчук

Никому не рассказывай

Никому не рассказывай

3

а стеной

Глава 1

В квартиру я въехал в середине октября, когда на улице уже начинало темнеть раньше, чем заканчивался рабочий день. Переезд занял почти весь вечер, и к тому моменту, когда грузчики уехали, в комнате оставались только коробки, раскладной диван и чайник, который я первым делом поставил на кухонный стол. Я давно заметил за собой одну привычку: где бы ни приходилось жить, сначала появлялся чайник, потом книги, а уже после всё остальное. Наверное, таким образом я убеждал себя, что любое временное место можно превратить в дом, если несколько вечеров подряд пить там горячий чай. В тот момент квартира казалась именно временным местом, где я собирался прожить несколько месяцев, не больше.

Дом выглядел так, словно никто не пытался сделать его красивее. Побелка на лестничных клетках давно пожелтела, металлические перила стали гладкими от тысяч чужих ладоней, а ступени посередине заметно просели. У каждого старого дома есть собственный набор звуков, который постепенно перестаёшь замечать. Где-то скрипела дверь, этажом выше периодически открывали окно, по трубам проходила вода, а с улицы доносился шум редких машин. Уже через несколько дней подобные мелочи сливаются в единый фон, и только полная тишина начинает казаться чем-то необычным. Тогда я ещё не знал, что очень скоро научусь различать единственный голос среди всех этих привычных звуков.

Хозяйка квартиры оказалась немногословной женщиной лет шестидесяти. Она показала, где находятся счётчики, оставила запасной комплект ключей и несколько раз повторила, что в доме живут спокойные люди, поэтому серьёзных проблем быть не должно. Перед уходом она попросила только об одном: не сверлить стены поздно вечером и сразу звонить ей, если начнут течь старые трубы. Всё это звучало настолько буднично, что разговор забылся ещё до того, как за ней закрылась дверь. Уже позже я пытался вспомнить, не собиралась ли она сказать что-нибудь ещё, но память каждый раз возвращала одну и ту же картину: женщина стоит в прихожей, смотрит куда-то мимо меня и будто на секунду задумывается, после чего желает удачного вечера и уходит.

Следующие несколько дней прошли одинаково. Утром я работал за компьютером, днём выходил за продуктами или за кофе в небольшую пекарню через дорогу, а вечером разбирал оставшиеся коробки. Постепенно квартира приобретала жилой вид. Книги заняли две полки шкафа, одежда исчезла из пакетов, а на подоконнике появилась кружка с ручками и карандашами, которую я перевозил с собой уже много лет. Новое место переставало быть новым, и именно этого я всегда добивался после переезда. Когда привыкаешь к дому, начинаешь замечать не стены, а жизнь, которая течёт за ними.

Через стену действительно кто-то жил. Я понял это не по голосам, а по мелочам, которые невозможно спутать ни с чем другим. Иногда там отодвигали стул, иногда негромко закрывали шкаф, несколько раз я слышал, как на кухне ставили на стол тяжёлую кружку или кастрюлю. Всё происходило спокойно, без громкой музыки, без семейных ссор и без телевизора, работающего до глубокой ночи. Так ведут себя люди, которые давно привыкли жить одни и не испытывают потребности заполнять квартиру постоянным шумом. Меня такое соседство вполне устраивало.

Первый раз мужской голос я услышал спустя неделю после переезда. Было уже около девяти вечера, я сидел за столом с книгой и почти не обращал внимания на происходящее вокруг. Сквозь стену донеслась спокойная речь, слишком тихая, чтобы можно было разобрать слова, но достаточно отчётливая, чтобы понять интонацию. Мужчина говорил медленно, словно читал что-то вслух, время от времени делая короткие паузы. Потом снова продолжал тем же ровным голосом, не повышая его и не меняя темпа. Мне показалось, что он разговари-

вает с кем-то, кто сидит рядом, поэтому я перевернул страницу книги и почти сразу перестал прислушиваться.

На следующий вечер голос появился снова. Потом ещё раз. Постепенно он стал такой же частью дома, как шум воды в трубах или шаги соседей на лестнице. Я не пытался разобрать слова и не интересовался чужими разговорами, потому что в многоквартирных домах невозможно прожить долго, не научившись уважать чужую жизнь за тонкой стеной. Единственное, что иногда невольно привлекало внимание, — необычное спокойствие этого человека. За всё время я ни разу не услышал раздражения, смеха, спора или телефонного звонка. Каждый вечер он говорил одинаково размеренно, будто читал давно знакомый текст, который не требовал ни эмоций, ни остановок, ни исправлений.

Глава 2

Через несколько дней голос перестал быть чем-то необычным. Если в первые вечера я невольно отвлекался от книги или работы, то теперь почти не замечал его присутствия. Человек за стеной словно существовал по собственному расписанию. Около девяти часов он начинал говорить, делал это примерно полчаса, после чего в квартире снова становилось тихо. За всё время я ни разу не услышал, чтобы к нему кто-нибудь приходил, чтобы хлопала входная дверь или двигали мебель. Казалось, каждый его вечер проходил совершенно одинаково.

Однажды я поймал себя на том, что уже различаю отдельные слова. Стены не были настолько тонкими, чтобы слышать каждую фразу, но некоторые предложения всё же доходили достаточно отчётливо. Сначала я не придавал этому значения. Любой человек время от времени произносит слова громче обычного, особенно если увлечён разговором. В тот вечер до меня донеслось только несколько обрывков: «вернулся позже», «долго искал», «опять забыл». Между ними оставались большие паузы, словно мужчина внимательно слушал собеседника, а затем спокойно продолжал.

На следующий день всё повторилось. Я готовил ужин, когда за стеной снова зазвучал знакомый голос. На этот раз мне удалось разобрать чуть больше. Мужчина произнёс: «Сегодня он опять вышел без зонта», после чего замолчал почти на десять секунд. Затем так же спокойно сказал: «Да, промок почти сразу». Я машинально посмотрел в окно. Дождь действительно шёл с самого утра, а во дворе как раз появился молодой парень из соседнего подъезда. Он быстро перебежал через двор, прикрывая голову пакетом с продуктами. Совпадение показалось настолько естественным, что я тут же выбросил услышанное из головы.

Следующие несколько вечеров разговоры стали повторяться, и вместе с ними появилось странное ощущение узнавания. Мужчина будто рассказывал короткие истории, в которых не было ни начала, ни конца. Иногда он произносил всего несколько предложений, после чего надолго замолкал. В другой раз его речь занимала почти полчаса, но интонация оставалась одинаковой — спокойной, размеренной и удивительно бесстрастной. Если закрыть глаза, можно было представить университетского преподавателя, который читает лекцию перед пустой аудиторией.

В субботу я вышел вынести мусор уже поздним вечером. На лестничной площадке было тихо, только где-то сверху лаяла собака. Возле мусоропровода стоял мужчина лет пятидесяти, которого я несколько раз видел во дворе. Пока мы ждали лифт, он без особого интереса спросил, давно ли я переехал, после чего разговор сам собой перешёл на дом, коммунальные службы и вечные перебои с горячей водой. Перед тем как двери лифта открылись, он неожиданно усмехнулся и сказал, что в старых панельных домах невозможно сохранить ни одной тайны, потому что соседи знают друг о друге больше, чем родственники. Я улыбнулся в ответ, хотя в тот момент даже не подозревал, насколько скоро вспомню эти слова.

В тот же вечер голос за стеной появился немного позже обычного. Я уже собирался лечь спать, когда услышал знакомую размеренную речь. Мужчина сделал длинную паузу, после чего отчётливо произнёс: «Сегодня он долго разговаривал в лифте». Несколько секунд спустя прозвучала ещё одна фраза: «Он решил, что сосед просто любит поговорить». Я медленно опустил книгу на стол и прислушался. Совпадение всё ещё казалось самым разумным объяснением, но впервые за всё время мне стало не по себе от того, насколько точно эти слова совпали с моим вечером.

Я ещё долго сидел в полной тишине, ожидая, что мужчина продолжит говорить, однако за стеной больше не прозвучало ни звука. Перед сном я несколько раз пытался вспомнить весь разговор в лифте, надеясь найти хоть какую-нибудь деталь, которая разрушила бы возникшее ощущение. Память услужливо возвращала каждую реплику соседа, шум закрывающихся две-

рей и запах сырого металла, но ничего необычного в этих воспоминаниях не было. Только одна короткая фраза продолжала звучать в голове гораздо отчётливее остальных: «Сегодня он долго разговаривал в лифте».

Глава 3

После разговора в лифте я несколько дней намеренно старался не обращать внимания на голос за стеной. Подобные совпадения случаются гораздо чаще, чем кажется, особенно если человек уже успел настроить себя на определённую мысль. Я даже поймал себя на том, что жду девяти часов вечера только затем, чтобы проверить собственную реакцию. Когда голос появлялся, я продолжал работать, включал музыку в наушниках или уходил на кухню мыть посуду, лишь бы не прислушиваться к отдельным словам. Такое решение казалось самым разумным, потому что чем меньше значения придаёшь случайностям, тем быстрее они исчезают из памяти.

В среду вечером я задержался у окна с кружкой чая. Во дворе почти никого не осталось, только мужчина в рабочей куртке медленно выгуливал старую овчарку, а возле подъезда курил молодой парень, которого я часто видел по утрам. Голос за стеной зазвучал привычно спокойно, словно продолжал чтение книги, которую никто не прерывал уже много дней. На этот раз слова доносились отчётливее обычного. Мужчина произнёс: «Женщина с четвёртого этажа опять забудет сумку», сделал небольшую паузу и добавил: «Вернётся через три минуты». Я невольно посмотрел на часы, сам усмехнулся собственной впечатлительности и отошёл от окна.

На следующее утро я уже почти забыл об этой фразе. Спускаясь по лестнице, я услышал, как где-то ниже быстро открылась дверь квартиры, а затем раздались торопливые шаги. Женщина лет сорока, которую я несколько раз встречал в подъезде, поспешно поднялась обратно, тихо ругая себя за забывчивость. В одной руке она держала связку ключей, а второй на ходу пыталась застегнуть пальто. Через пару минут она снова спустилась вниз, теперь уже с большой чёрной сумкой на плече, и, заметив меня, смущённо улыбнулась. В тот момент я ощутил не страх, а досаду, потому что человеческая память мгновенно связала два никак не связанных между собой события.

Следующим вечером я решил проверить себя. Ровно без пяти девять выключил телевизор, сел за стол и стал ждать, когда за стеной снова начнётся чтение. Именно теперь это слово впервые пришло мне в голову. Мужчина не беседовал, не спорил и не рассказывал истории. Он произносил предложения одинаковым голосом, словно видел перед собой страницы с уже готовым текстом. Иногда между фразами возникали паузы, но они были слишком ровными, чтобы походить на обычный разговор. Они напоминали остановки человека, который переводит взгляд с одной строки на другую.

— Сегодня мальчик из шестой квартиры снова испугается собаки, — спокойно произнёс мужчина.

Наступила короткая тишина.

— Он заплачет не сразу.

Я поднялся из-за стола и подошёл к окну. Во дворе всё ещё гулял тот самый мужчина с овчаркой. Несколько минут ничего не происходило, и я уже почувствовал облегчение, решив, что наконец нашёл подтверждение собственным сомнениям. В этот момент из подъезда выбежал мальчик лет семи, за которым следом вышла молодая женщина. Овчарка спокойно повернула голову в их сторону, ребёнок сделал ещё несколько шагов и неожиданно остановился. Он не закричал, не побежал и не спрятался за мать. Сначала он просто смотрел на собаку, потом медленно отступил назад и только после этого громко расплакался.

Я закрыл шторы и вернулся к столу. Сердце билось чаще обычного, хотя разум продолжал искать объяснение. Возможно, мужчина за стеной хорошо знал всех жильцов дома. Возможно, он каждый день наблюдал за ними из окна и без труда угадывал их привычки. Некоторые люди действительно обладают удивительной наблюдательностью. Они замечают детали,

которые остальные пропускают, и потому кажутся почти ясновидящими. Эта мысль выглядела достаточно убедительной, чтобы успокоиться, но уже через несколько секунд я понял, что она ничего не объясняет.

Чтобы предугадать испуг ребёнка, нужно было знать, что именно в эту минуту он выйдет во двор.

Поздно вечером я вышел выбросить мусор. На площадке было пусто, только старая лампа под потолком тихо потрескивала, будто её давно следовало заменить. Проходя мимо соседней квартиры, я сам не заметил, как остановился. Голос звучал совсем близко, значительно отчётливее, чем через стену моей комнаты, и теперь я впервые различал почти каждое слово. Мужчина говорил тем же спокойным тоном, без малейшего выражения, словно медленно читал книгу вслух. Иногда он ненадолго замолкал, будто переводил взгляд на следующую строку, а затем продолжал с того места, где остановился. Я не собирался подслушивать, но уйти сразу почему-то тоже не смог.

— ...долго стоял у окна... — произнёс мужчина после короткой паузы. — Потом решил, что всё это просто совпадение. Ещё немного постоит здесь... и вернётся в квартиру. Поставит чайник. Вспомнит, что утром почти закончился сахар, но всё равно заварит чай без него.

Я почувствовал раздражение от собственной глупости и почти нарочно отвернулся от двери. Конечно, подобные слова могли относиться к кому угодно. В доме жили десятки людей, и многие из них наверняка по вечерам пили чай. Вернувшись в квартиру, я автоматически поставил пакет с мусором возле двери, прошёл на кухню и только тогда заметил пустую сахарницу. Банка в шкафу тоже оказалась почти пустой — на дне лежало не больше чайной ложки. Несколько секунд я молча смотрел на неё, пытаюсь вспомнить, когда успел об этом забыть. Потом всё-таки включил чайник, достал кружку и неожиданно поймал себя на мысли, что не могу вспомнить, в какой момент мужчина перестал говорить о ком-то другом.

Глава 4

На следующий вечер я вернулся домой раньше обычного. Всю дорогу меня не покидало ощущение, что последние несколько дней я пытаюсь объяснить себе не то явление. Я размышлял о совпадениях, привычках соседей, хорошей памяти и наблюдательности, хотя по-настоящему странным было совсем другое. Мужчина никогда не менял интонацию. Любой человек, пересказывающий чужую жизнь, хотя бы иногда удивляется, смеётся или раздражается. Голос за стеной оставался одинаковым всегда, словно чувства не имели никакого отношения к словам, которые он произносил.

Я не стал включать телевизор и не открыл ноутбук. Квартира постепенно погружалась в вечернюю тишину, а я сидел на кухне и ждал девяти часов, сам не понимая, зачем это делаю. Когда знакомый голос наконец прозвучал, я вышел на лестничную площадку почти сразу. Дверь соседней квартиры выглядела так же, как и накануне. За ней негромко шелестели страницы, после чего мужчина спокойно продолжил читать. Теперь я был уверен, что не ошибся. Между короткими паузами слышался едва различимый звук, который невозможно спутать ни с чем другим. Так звучит плотная бумага, когда её медленно переворачивают.

— ...вечером он снова будет стоять возле двери, — негромко произнёс мужчина. — Он решит, что если услышит мой голос ближе, то наконец поймёт, что происходит.

Наступила привычная пауза. Послышался тихий шелест следующей страницы.

— Он ошибается.

Я почувствовал, как по спине пробежал холод, но заставил себя остаться на месте. Впервые за всё время мне захотелось не уйти, а узнать, что будет дальше. За дверью никто не ходил, не двигал мебель и не открывал окна. Всё, что я слышал, — спокойный голос и редкий шелест бумаги. Через несколько секунд мужчина продолжил читать, будто никуда не спешил и прекрасно знал, что слушатель никуда не денется.

— Он думает, что за этой дверью кто-то живёт. Через минуту он коснётся ручки. Потом передумает. Вернётся домой и не сможет уснуть до самого утра.

Я медленно посмотрел на свою руку. Она действительно лежала на дверной ручке. Не помню, в какой момент я успел протянуть её вперёд. Пальцы сами собой разжались, и я сделал шаг назад. Мне хотелось уйти, но вместе с этим возникло почти болезненное желание услышать ещё хотя бы несколько строк.

Мужчина снова перевернул страницу.

— Завтра он придёт сюда днём.

Новая пауза.

— Постучит три раза.

Ещё один шелест.

— Дверь будет открыта.

Я не стал ждать продолжения. Почти бегом вернулся в квартиру и запер дверь, хотя прекрасно понимал, что старый замок ничего не изменит. Остаток ночи я просидел на кухне, не включая свет. Несколько раз подходил к глазку, прислушивался к лестничной площадке и убеждал себя, что утром всё покажется смешным. Незаметно наступил рассвет, за окном начали останавливаться первые машины, а вместе с дневным светом вчерашний страх постепенно уступил место любопытству.

На следующий день я вернулся домой раньше обеда. На лестничной площадке было тихо. Я долго смотрел на соседнюю дверь, вспоминая собственное обещание не подходить к ней больше никогда. Потом всё-таки сделал несколько шагов вперёд. Не потому, что поверил услышанному. Просто мне нужно было убедиться, что за ней действительно живут обычные люди, а всё остальное оказалось цепочкой нелепых совпадений.

Я постучал. Один раз. Потом второй. После третьего удара дверь медленно приоткрылась. За ней не оказалось ни прихожей, ни мебели.

Небольшая пустая комната была освещена дневным светом, падавшим из единственного окна. Почти всё пространство занимали высокие деревянные стеллажи, заставленные одинаковыми тёмными папками. Возле окна стоял простой стол, а за ним сидел мужчина в сером свитере. Он не посмотрел в мою сторону. Всё его внимание было приковано к раскрытой папке, лежавшей перед ним. Он спокойно перевернул страницу и продолжил читать, словно моё появление уже было частью текста.

Только теперь я заметил надпись на корешке папки.

Там было написано моё имя.

Закладка

Глава 1

Я никогда не понимал людей, которые читают сразу несколько книг. Для меня любая история была похожа на долгий разговор с одним человеком, который нельзя прерывать на середине ради другого собеседника. Если книга попадала мне в руки, я дочитывал её до конца, даже когда понимал, что она оказалась неинтересной. Так меня приучил отец. Он говорил, что брошенные книги запоминают место, где их оставили, и терпеливо ждут, пока человек вернётся. Уже взрослым я понимал, что это всего лишь красивая выдумка, но привычка доводить каждую книгу до последней страницы осталась со мной навсегда.

За десять лет у меня собралась небольшая библиотека. Она занимала две стены в гостиной, и я мог безошибочно сказать, где стоит почти каждый том. Электронные книги я не любил. Мне нравилось чувствовать вес бумаги, слышать, как шуршат страницы, замечать, как постепенно толщина уже прочитанной части становится больше той, что ещё ждёт впереди. Наверное, именно поэтому я всегда пользовался одной и той же закладкой. Это был плотный кусок пожелтевшего картона без рисунков и надписей. Когда-то он лежал в одной из книг, купленных на распродаже, и с тех пор я машинально перекладывал его из одного тома в другой, даже не задумываясь об этом.

Перед сном у меня существовал небольшой ритуал, который почти никогда не менялся. Я ставил чайник, открывал окно на несколько минут, чтобы проветрить комнату, выключал телевизор и садился в кресло возле торшера. Обычно мне хватало сорока минут чтения, после которых глаза начинали слипаться сами собой. Я аккуратно вкладывал закладку между страницами, закрывал книгу и оставлял её на журнальном столике рядом с креслом. Утром книга всегда лежала на том же месте. Я жил один, гостей почти не принимал, поэтому в квартире некому было трогать мои вещи.

Всё началось настолько незаметно, что сейчас я уже не могу вспомнить точную дату. Проснувшись одним утром, я взял книгу со столика и сразу понял, что закладка находится немного дальше, чем оставил её вечером. Разница составляла всего несколько страниц. Я попытался восстановить в памяти события прошлого вечера, но быстро пришёл к выводу, что просто ошибся. Подобное случается со всеми. Иногда кажется, будто остановился на одной главе, а потом оказывается, что дочитал ещё несколько страниц, не придав этому значения.

На следующую ночь произошло то же самое. На этот раз я был почти уверен, что помню номер страницы, потому что книга как раз подходила к самому интересному месту, и я специально заставил себя закрыть её, чтобы дочитать продолжение вечером. Утром закладка снова оказалась дальше. Я не испытал ни страха, ни даже особого удивления. Скорее почувствовал лёгкое раздражение от собственной невнимательности. Память часто играет с человеком странные шутки, особенно когда дни становятся похожими друг на друга.

После завтрака я всё-таки решил проверить себя. Открыл книгу, нашёл страницу, на которой оставил закладку, достал телефон и сфотографировал разворот так, чтобы хорошо были видны номер страницы и сама закладка. Закончив работу поздно вечером, я специально открыл фотографию ещё раз, внимательно сравнил её с книгой и только после этого лёг спать. Мне казалось, что подобная проверка окончательно поставит точку в этой нелепой истории. Утром телефон всё ещё хранил вчерашний снимок, но закладка лежала уже почти на двадцать страниц дальше.

Глава 2

Следующие несколько дней я почти перестал читать. Вечером открывал книгу только для того, чтобы положить закладку между страницами, ещё раз сфотографировать её и оставить на журнальном столике. Сам процесс чтения неожиданно перестал иметь значение. Гораздо сильнее меня интересовало, что произойдёт ночью. Каждое утро фотография подтверждала одно и то же: закладка неизменно оказывалась дальше, чем была вечером. Ошибиться теперь было невозможно, но найти происходящему объяснение у меня всё равно не получалось.

Через неделю я решил исключить последнюю разумную версию. Если проблема была в старой книге, то новая должна была положить конец этим странностям. После работы я заехал в книжный магазин, долго ходил между полками и в конце концов выбрал толстый роман в твёрдом переплёте, который только недавно появился в продаже. Дома я аккуратно снял упаковочную плёнку, открыл книгу на первой главе и положил закладку на двадцать третью страницу. Перед тем как лечь спать, я ещё несколько раз проверил номер страницы, сделал фотографию и специально убрал телефон на тумбочку, чтобы утром не возникло желания обвинить память в очередной ошибке.

Проснувшись, я первым делом потянулся к книге. Закладка лежала на тридцать восьмой странице. На этот раз я не почувствовал ни раздражения, ни удивления. Я просто сидел на краю кровати и долго смотрел на разворот, будто надеялся, что страницы сами вернутся назад, если подождать ещё немного. Потом открыл телефон, сравнил снимок с книгой и окончательно убедился, что ночью произошло именно то, чего не могло произойти. В квартире по-прежнему жил только я, входная дверь была заперта изнутри, а окна оставались закрытыми.

Вечером, вернувшись с работы, я решил всё-таки продолжить чтение. Закладка теперь находилась гораздо дальше, поэтому пришлось открыть книгу именно там, где она лежала. Первые несколько страниц я читал машинально, почти не вникая в сюжет. В какой-то момент мне показалось, что текст выглядит немного светлее, чем обычно. Я решил, что виновато освещение, пересел ближе к окну и снова посмотрел на страницу. Буквы действительно выглядели бледнее, словно типографская краска успела выгореть за несколько лет, хотя книга была совершенно новой.

Я достал с полки другую книгу того же издательства и начал сравнивать страницы. Бумага была одинаковой, шрифт тоже, но в новой книге буквы казались насыщенными и чёткими, тогда как в той, что несколько ночей подряд кто-то «читал», чёрный цвет словно постепенно терял глубину. Разница была совсем небольшой, настолько небольшой, что любой другой человек, вероятно, её бы не заметил. Однако я держал эту книгу в руках всего несколько дней и слишком хорошо помнил, как выглядели страницы в первый вечер. Они изменились.

Несколько следующих дней я почти не выходил из дома после работы. Каждый вечер фотографировал книгу, каждый вечер оставлял её на столике, а утром находил закладку всё дальше. Вместе с этим менялся и текст. Теперь выцветание перестало быть едва заметным. Первые страницы романа выглядели так, словно кто-то годами держал их под палящим солнцем. Некоторые слова уже приходилось разбирать по отдельным буквам, а кое-где строчки исчезали настолько сильно, что между соседними предложениями оставались белые полосы. Самое странное заключалось в том, что процесс никогда не затрагивал непрочитанную часть книги. Всё происходило только с теми страницами, которые ночью оставались позади закладки.

В воскресенье утром я открыл роман с самого начала. Первая страница была абсолютно белой. На ней не осталось ни названия книги, ни имени автора, ни номера страницы. Только чистая бумага, на которой, казалось, никогда ничего не было написано.

Глава 3

После того воскресного утра я больше не открывал роман. Он продолжал лежать на журнальном столике, а закладка по-прежнему торчала между страницами, словно приглашала продолжить чтение. Несколько раз я проходил мимо книги, брал её в руки и почти сразу ставил обратно. Мне казалось, что стоит открыть её ещё раз, и белых страниц станет больше. Это ощущение было настолько нелепым, что я сам не решался признаться себе в нём. Тем не менее именно оно заставило меня впервые задуматься не о книге, а о самом тексте.

В тот же день я достал с полки старый дневник. Несколько лет назад я почти ежедневно записывал туда всё подряд: поездки, встречи, случайные мысли, смешные разговоры и планы, которые давно перестали иметь значение. Если происходящее связано только с книгами, дневник должен был остаться прежним. Я открыл его на первых страницах и сразу почувствовал неприятный холод где-то под рёбрами. Самые ранние записи стали едва различимыми. Чернила не растеклись и не выцвели от времени. Они просто потеряли насыщенность, словно кто-то осторожно стирал их слой за слоем. Следующие страницы выглядели лучше, а последние записи оставались совершенно обычными.

Я не спал почти всю ночь. По квартире были разложены книги, тетради, блокноты и старые документы. Я открывал их один за другим, пытаясь найти хоть что-то, что не изменилось. Чем старше была запись, тем слабее становились буквы. Это правило повторялось с пугающей точностью. Старые письма превратились в набор бледных пятен, школьные тетради выглядели так, будто в них никогда ничего не писали, а на нескольких открытках исчезли поздравления, оставив только пожелтевшую бумагу и чужие подписи без единого обращения. Мне хотелось поверить, что всё это вызвано каким-то химическим процессом, но подобное объяснение переставало иметь смысл с каждой новой находкой.

На следующий день я снял с верхней полки старый семейный альбом. Он доставался оттуда не чаще одного раза в год, обычно в праздники, когда родители приезжали в гости и начинали вспоминать давно прошедшие годы. Первые фотографии выглядели совершенно нормально. Я успел даже облегчённо выдохнуть, решив, что хотя бы снимки не затронуты этой странной болезнью памяти. Потом перевернул ещё несколько страниц и замер. На фотографии, где отец держал на руках маленького мальчика в красной куртке, руки остались поднятыми так, будто он действительно кого-то обнимал. Только самого ребёнка больше не было. За спиной отца виднелся тот же двор, те же качели и та же облезлая скамейка, но между его руками теперь находился лишь пустой участок снимка.

Я перелистывал альбом всё быстрее, почти не замечая, как начинают дрожать пальцы. На одной фотографии родители стояли возле школьной линейки и улыбались в объектив, хотя раньше между ними стоял я с огромным букетом гладиолусов. На другой отец сидел на берегу озера, вытянув руку так, словно собирался помочь кому-то выбраться из воды. На следующем снимке за праздничным столом один стул оказался пустым, хотя я прекрасно помнил, что тогда отмечали мой десятый день рождения. Фотографии не были испорчены. Они выглядели так естественно, что любой человек решил бы, будто именно такими они и были всегда. Лишь моя память отчаянно сопротивлялась увиденному.

Вечером я поехал к родителям, не предупредив их заранее. Дорогу почти не запомнил. Всё время перед глазами стояли фотографии, на которых исчезло моё детство, а вместе с ним исчезали десятки самых обычных воспоминаний. Мать открыла дверь почти сразу. Она долго смотрела на меня, словно пыталась понять, зачем незнакомый человек стоит на лестничной площадке. Потом вежливо улыбнулась и спросила, кого я ищу.

— Мам... — только и смог произнести я.

Улыбка медленно исчезла с её лица.

Она покачала головой.

— Простите, молодой человек. Кажется, вы ошиблись квартирой.

Я хотел что-то ответить, назвать своё имя, напомнить ей о фотографиях, о доме, о старом саде, где мы каждое лето собирали яблоки. Но слова вдруг показались бессмысленными. Если исчезли записи, то, возможно, вместе с ними исчезало и всё, что эти записи когда-то подтверждали. Мать ещё несколько секунд смотрела на меня с той осторожной вежливостью, с какой смотрят на случайных прохожих, после чего тихо закрыла дверь.

Я остался один на лестничной площадке. И впервые за всё это время понял, что исчезают не книги. Исчезаю я.

Глава 4

Возвращаясь домой, я всё время пытался вспомнить лицо матери таким, каким видел его ещё утром. Память сопротивлялась. Некоторые детали оставались удивительно чёткими: её привычка поправлять волосы, запах духов, старая кружка с отколотой ручкой, из которой она всегда пила чай. Но чем сильнее я старался удержать эти воспоминания, тем быстрее они распадались на отдельные фрагменты. Мне впервые пришло в голову, что исчезают не только записи и фотографии. Исчезает сама возможность что-либо помнить. Если завтра я забуду собственное имя, кто сможет доказать, что оно вообще существовало?

На работе меня встретили так, как встречают случайного посетителя. Девушка за стойкой регистрации вежливо спросила, к кому я пришёл, хотя ещё вчера здоровалась со мной по имени. Мой пропуск не открывал турникет. Начальник долго смотрел на экран компьютера, потом извинился и сказал, что, вероятно, произошла какая-то ошибка, потому что сотрудника с такими данными в компании никогда не было. Я показал паспорт, но он только нахмурился. Документ выглядел настоящим, однако внутри не оказалось ни фотографии, ни записей. Плотные страницы были совершенно чистыми, словно типография по какой-то причине выпустила недоделанную книжку.

Весь оставшийся день я провёл, переходя из одного учреждения в другое. В банке не существовало моего счёта. Оператор мобильной связи сообщил, что номер никогда не регистрировался. В поликлинике не нашли медицинской карты. Каждый разговор заканчивался одинаково: люди сохраняли спокойствие, пытались помочь, искренне не понимая, почему незнакомый человек так настойчиво ищет следы собственной жизни. Никто не смеялся, не обвинял меня во лжи и не вызывал охрану. Именно эта обычная человеческая вежливость пугала сильнее всего. Мир не отвергал меня. Мир просто не находил для меня места.

Когда я открыл дверь квартиры, меня встретила непривычная пустота. Несколько книжных полок исчезли. На их месте светлели прямоугольники обоев, которые много лет не видели солнечного света. Любимое кресло пропало, будто его никогда не покупали. На журнальном столике больше не стояла кружка с засохшими следами чая, а фотографии со стен исчезли вместе с рамками. Комната выглядела так, словно в ней давно никто не жил и лишь по странной случайности забыли закрыть окно. Среди этой пустоты уцелела только одна книга. Она лежала ровно там же, где я оставил её несколько дней назад, а между страниц по-прежнему выглядывала старая картонная закладка.

Я сел на пол рядом со столиком и долго смотрел на книгу, не решаясь прикоснуться к ней. В какой-то момент мне стало безразлично, что произойдёт дальше. Если всё вокруг исчезало вместе с моим прошлым, то единственный ответ оставался внутри этих страниц. Я открыл книгу почти наугад. Белые листы медленно шелестели один за другим. Ни названия, ни автора, ни единой буквы. Только в самом конце сохранилась последняя страница.

На ней была напечатана одна строка.

«Книга дочитана.»

Я перечитал её несколько раз, будто надеялся обнаружить ещё хоть одно слово, скрытое между буквами. Потом поднял взгляд, и мне вдруг показалось, что квартира стала немного светлее. Исчезли звуки улицы, перестали тикать настенные часы, пропало ощущение собственного дыхания. Я опустил глаза обратно на страницу. Она была пустой.

— Просторная квартира, — сказал риелтор, открывая дверь. — Район тихий, соседи спокойные. Документы в полном порядке. Честно говоря, вариант удачный. Здесь уже очень давно никто не жил.

Молодая пара медленно прошла по комнатам. Девушка заглянула на кухню, мужчина остановился возле окна, оценивая вид во двор. В гостиной почти не было мебели. Только на

низком журнальном столике лежала толстая книга в тёмном переплёте, будто кто-то забыл её перед переездом.

— Странно, — сказал мужчина, беря книгу в руки. — Пустая...

Он перелистал несколько страниц.

Между ними лежала старая картонная закладка.

— Наверное, оставим? — спросила девушка.

— Конечно. Всё равно никому не нужна.

Он машинально вложил закладку между страниц, закрыл книгу и положил её обратно на стол.

Последний пассажир

Глава 1

Когда я устраивался на работу, меня сразу предупредили, что до предприятия добираться неудобно. Завод находился далеко за городом, среди складов, ремонтных ангаров и бесконечных бетонных площадок, где днём грохотали погрузчики, а ночью ветер свободно гулял между металлическими заборами. Личного автомобиля у меня не было, поэтому вопрос с дорогой решился сам собой. После каждой смены рабочих развозил служебный автобус. Он приезжал к проходной всегда в одно и то же время, ждал несколько минут, пока люди переоденутся, и отправлялся в город по единственному маршруту. За три года этот автобус стал такой же частью моей жизни, как рабочая форма или пропуск с фотографией.

Внутри всё давно стало привычным. Одни садились ближе к водителю, потому что любили поговорить о новостях или пожаловаться на начальство. Другие сразу занимали задние сиденья и почти всю дорогу спали. Несколько человек неизменно курили перед посадкой, из-за чего в салон вместе с ними попадал запах дешёвого табака и мокрой спецодежды. Я обычно выбирал место возле окна примерно посередине автобуса, доставал телефон и молча смотрел, как за стеклом исчезают заводские корпуса. Почти никто специально не запоминал лица остальных, но через несколько лет начинаешь узнавать человека не по имени, а по походке, голосу, привычке кашлять или ставить сумку себе под ноги.

Водителя звали Николай Петрович. На вид ему было около шестидесяти. Он редко вступал в разговоры и никогда не включал радио, хотя многие просили поставить хоть какую-нибудь музыку. Пока пассажиры спорили между собой или обсуждали прошедшую смену, он спокойно вёл автобус, не отвлекаясь на чужие разговоры. Иногда кто-нибудь здоровался с ним при входе, иногда благодарил на выходе, но чаще всего люди проходили мимо, словно водитель был такой же деталью автобуса, как руль или зеркало. Кажется, его это совершенно устраивало.

Однажды вечером, уже в конце рабочей недели, я заметил, что в автобусе не хватает сварщика Вити. Мы никогда особенно не общались, но он ездил этим маршрутом дольше меня, всегда занимал одно и то же место у заднего окна и каждую пятницу рассказывал одну и ту же историю о том, что обязательно уволится после отпуска. Кто-то из мужчин спросил, куда он пропал, пока автобус ещё стоял возле проходной. Николай Петрович посмотрел вперёд, будто вопрос вообще не относился к нему, и спокойно ответил, что Витя уволился. На этом разговор закончился. Никто не стал ничего уточнять, потому что люди действительно увольняются каждый день, особенно на таких предприятиях.

На следующей неделе место Вити занял новый парень. Он выглядел совсем молодым, всё время оглядывался по сторонам и держал на коленях новенькую каску, словно боялся её испачкать. Несколько человек пытались разговорить его, спрашивали, откуда он приехал и сколько ему обещали платить, но он отвечал коротко и быстро замолкал. Автобус снова стал выглядеть привычно, будто пустое место всего лишь ненадолго освободилось. Я поймал себя на мысли, что уже почти перестал вспоминать Витю. Наверное, так происходит с любым коллективом: человек исчезает, а через несколько дней жизнь незаметно занимает освободившееся место.

Через три дня в автобус не пришёл Сергей, электрик из соседнего цеха. Его отсутствие я заметил случайно, потому что каждое утро и каждый вечер он заходил последним, громко здоровался со всеми и обязательно спорил с кем-нибудь по дороге. В этот раз двери закрылись без него. Кто-то спросил, не заболел ли он. Николай Петрович, не оборачиваясь, тихо сказал:

— Уволился.

Больше никто ничего не спросил. Но почему-то именно в этот момент мне впервые стало немного не по себе.

Глава 2

В тот вечер я долго не мог понять, почему обычный разговор так засел у меня в голове. За годы работы я видел десятки людей, которые увольнялись, приходили, снова уходили или переводились в другие цеха. На большом предприятии текучка считалась почти нормой, особенно среди тех, кто не выдерживал тяжёлых смен или находил место с зарплатой немного выше. Логика подсказывала, что ничего необычного не происходит. И всё же, ложась спать, я неожиданно поймал себя на мысли, что пытаюсь вспомнить лица Вити и Сергея, словно боялся однажды обнаружить, что уже не смогу этого сделать.

Следующие несколько дней автобус снова был полон. Новые рабочие постепенно занимали свободные места, знакомились с коллективом, жаловались на ранние подъёмы и длинные смены. Всё выглядело так, будто жизнь просто продолжала двигаться вперёд, не задерживаясь ни на одном человеке. Иногда я замечал, что машинально считаю пассажиров, хотя раньше никогда этого не делал. Потом ловил себя на этом и чувствовал неловкость, словно занимался чем-то глупым. Мне не хотелось искать закономерности там, где их, скорее всего, не существовало.

Через неделю в автобусе снова освободилось место. На этот раз не пришёл мужчина из склада готовой продукции. Я даже не знал, как его зовут, но хорошо помнил его привычку всю дорогу читать газету, которую он складывал с такой аккуратностью, будто собирался пользоваться ею ещё много лет. Один из кладовщиков удивлённо спросил, не заболел ли тот. Николай Петрович ответил привычным спокойным голосом:

— Уволился.

Разговор продолжался ещё несколько минут, но уже совсем о другом. Кто-то начал обсуждать стоимость бензина, кто-то вспомнил про предстоящий ремонт в одном из цехов, а я неожиданно понял, что почти никто не задержался на этой новости дольше нескольких секунд. Будто человек не ушёл из коллектива, а просто не вышел сегодня в смену.

Постепенно я начал замечать странную привычку. Каждый вечер, подходя к автобусу, я первым делом смотрел не на свободные места, а на лица людей. Не потому, что кого-то искал. Скорее потому, что хотел убедиться: сегодня все на месте. Если автобус оказывался полным, внутри становилось спокойнее. Если же взгляд сразу натёкался на пустующее сиденье, настроение незаметно портилось ещё до того, как кто-нибудь успевал задать вопрос. Я ни разу не рассказал об этом жене брата, с которой иногда созванивался по выходным, и тем более не собирался обсуждать такие мысли с коллегами. Со стороны это выглядело бы смешно.

Однажды после смены дождь лил так сильно, что все почти бегом забирались в автобус. Люди стряхивали воду с курток, громко ругались на погоду и спорили, сколько ещё продлится ливень. Пока пассажиры рассаживались по местам, я заметил, что рядом с моим привычным сиденьем осталось свободное кресло. Обычно там сидел невысокий мужчина из механического участка. Мы почти никогда не разговаривали, но каждый вечер молча кивали друг другу, когда автобус трогался с места. Я оглядел салон, ожидая, что он вот-вот войдёт последним, однако двери уже закрывались.

Кто-то с передних рядов спросил:

— А Игорь где?

Николай Петрович не ответил сразу. Он медленно включил передачу, вывел автобус с территории завода и только потом негромко произнёс:

— Уволился.

Я посмотрел в окно. По стеклу медленно стекали дождевые капли, и отражение салона расплывалось среди вечерних огней. В какой-то момент мне показалось, что автобус стал

заметно тише, хотя люди продолжали разговаривать почти так же, как всегда. Наверное, изменился не автобус. Наверное, изменился я.

Глава 3

После истории с Игорем я перестал садиться на своё привычное место. Не потому, что оно чем-то отличалось от остальных, а потому, что рядом с ним слишком часто оказывались пустые кресла. Сначала я пересел ближе к выходу, потом несколько дней ездил впереди, почти за спиной водителя, а потом снова вернулся в середину салона. Очень быстро выяснилось, что место не имело никакого значения. Пустые сиденья всё равно появлялись. Иногда впереди, иногда сзади, иногда через проход. И каждый раз кто-нибудь обязательно задавал один и тот же вопрос, на который уже заранее существовал один и тот же ответ.

Шли недели. Предприятие продолжало работать так, словно ничего необычного не происходило. Новые рабочие быстро осваивались, начинали шутить, жаловаться на начальство и спорить о зарплате, а потом однажды просто переставали приходить. Старые лица исчезали, новые занимали их места, и автобус жил своей размеренной жизнью. Я всё чаще ловил себя на том, что уже не слушаю разговоры в салоне. Вместо этого я машинально пересчитывал людей, хотя сам не смог бы объяснить, зачем это делаю. Если число совпадало с тем, которое ожидал увидеть, становилось немного легче. Если нет, остаток дороги проходил в неприятном напряжении.

Николай Петрович почти не изменился. Он по-прежнему здоровался коротким кивком, не включал радио и вёл автобус так же спокойно, как в первый день, когда я его увидел. Только теперь мне стало казаться, что он выглядит значительно старше своих лет. Лицо осунулось, под глазами залегли тёмные круги, а во время остановок он всё чаще сидел неподвижно, положив руки на руль, будто собирался с силами перед следующей дорогой. Иногда, пока последние пассажиры выходили из автобуса, он доставал из кармана пачку сигарет, долго смотрел на неё и убирал обратно, так и не закулив. Это были такие мелочи, на которые раньше никто не обращал внимания, но теперь я замечал их почти каждый вечер.

Однажды после смены автобус оказался непривычно пустым. Несколько человек ушли в отпуск, часть рабочих оставили на ночную смену, кто-то заболел, и в салоне было не больше десяти пассажиров. Пространство, которое раньше казалось тесным, вдруг стало огромным. Любой разговор звучал отчётливее обычного, а двигатель было слышно так, будто кроме него не существовало никаких других звуков. Я неожиданно понял, что мне не нравится эта тишина. Полный автобус почему-то казался безопаснее.

На следующей неделе людей стало ещё меньше. Новичков больше не присылали, а свободных мест становилось всё больше. Никто не жаловался, не строил догадок и не обсуждал происходящее. Складывалось ощущение, что только я один обращаю на это внимание. Несколько раз мне хотелось спросить кого-нибудь, не кажется ли ему всё это странным, но каждый раз я представлял, как глупо прозвучит такой вопрос. Что именно я собирался сказать? Что на предприятии слишком часто увольняются люди? Любой только пожал бы плечами и посоветовал меньше думать после смены.

В тот вечер автобус почти опустел ещё до того, как мы выехали из промышленной зоны. На первых остановках вышли сразу несколько человек. Потом ещё двое. Я сидел у окна и смотрел, как за стеклом исчезают знакомые улицы, пока не почувствовал странное ощущение пустоты вокруг себя. Подняв голову, я медленно оглядел салон.

Кроме меня больше никого не было. Николай Петрович продолжал молча вести автобус, не меняя скорости и не оборачиваясь. Я посмотрел на часы, потом на знакомую дорогу за окном и неожиданно понял, что до моей остановки оставалось не больше пяти минут.

Впервые за три года я ехал домой последним пассажиром.

Глава 4

Я посмотрел на часы ещё раз. До моей остановки действительно оставалось совсем немного. Этот маршрут я знал почти наизусть и мог определить место даже с закрытыми глазами. После старого моста автобус всегда проезжал заправку, затем небольшой рынок, а ещё через пару минут останавливался возле перекрёстка, где я выходил каждый рабочий день. За три года не изменилось почти ничего. Иногда ремонтировали дорогу, иногда перекладывали асфальт, но сам маршрут оставался прежним. Именно поэтому, когда за окном мелькнула знакомая остановка и автобус даже не начал притормаживать, я сразу понял, что произошло что-то не так.

Сначала я решил, что Николай Петрович просто задумался. Такое случается с каждым водителем, особенно после тяжёлой смены. Я поднялся со своего места, подошёл ближе и спокойно сказал, что мы проехали мою остановку. Николай Петрович не ответил сразу. Его руки по-прежнему крепко держали руль, а взгляд был прикован к дороге. Лишь через несколько секунд он тихо произнёс одно короткое слово.

— Нет.

Я замолчал. Не потому, что испугался, а потому, что не понял смысла этого ответа. Впереди уже не было ни домов, ни магазинов, ни освещённых улиц. Автобус продолжал ехать по пустой дороге, уходящей в темноту. Я снова посмотрел в окно, пытаясь найти хоть что-нибудь знакомое, но за стеклом мелькали только редкие деревья и дорожные столбы. Телефон показывал полное отсутствие связи. Никогда раньше на этом участке маршрута такого не случалось.

Минут через десять автобус начал сбрасывать скорость. Впереди появилась небольшая остановка с потускневшим навесом и старой деревянной скамейкой. Ни домов, ни фонарей, ни каких-либо признаков жизни вокруг не было. Двери открылись с привычным шипением, словно мы приехали на самую обычную конечную остановку. Николай Петрович продолжал смотреть прямо перед собой.

— Конечная, — сказал он.

Я не сразу вышел. Несколько секунд просто стоял возле дверей, ожидая, что он сейчас повернётся, объяснит, что произошла какая-то ошибка, или хотя бы посмотрит мне в глаза. Но этого не произошло. Я спустился на мокрый асфальт, сделал несколько шагов в сторону и обернулся. Двери уже закрывались. Автобус медленно тронулся с места, развернулся на пустой площадке и исчез за поворотом, оставив после себя только затихающий шум двигателя.

На следующее утро начальник транспортного участка встретил Николая Петровича возле гаражей. Он держал в руках журнал с маршрутными листами и выглядел недовольным. До начала смены оставалось несколько минут, рабочие постепенно собирались у проходной, а механик уже торопил водителей выезжать.

— Слушай, — спросил начальник, перелистывая страницы журнала. — А где новенький? Который три года назад устроился в механический цех. Сегодня в смену не вышел.

Николай Петрович долго молчал. Потом поставил подпись в журнале, закрыл его и устало ответил:

— Уволился.

Сырьё

Глава 1

Будильник прозвенел в половине шестого, но я проснулся раньше. Последние несколько дней сон был беспокойным, хотя причин для этого вроде бы не существовало. Сегодня был мой первый рабочий день на новом месте. После двух месяцев безработицы мне наконец удалось устроиться на мясокомбинат, и зарплата там обещала быть почти вдвое выше той, что я получал раньше. Я лежал в темноте, прислушиваясь к ровному дыханию жены и тихому сопению дочери за стеной, и думал только об одном: если всё получится, через пару месяцев мы перестанем считать деньги до следующей зарплаты.

На кухне уже горел свет. Лена стояла у плиты в старом домашнем халате и наливала чай в две большие кружки. На столе лежала половина батона, масло и палка самой дешёвой докторской колбасы, которую мы покупали почти каждую неделю. Наша дочь Катя сонно сидела на стуле, болтая ногами, и без особого желания ковыряла вилкой тонкий ломтик колбасы, лежавший на хлебе. Она сморщила нос, посмотрела сначала на меня, потом на мать и недовольно сказала, что снова не хочет есть колбасу. Я рассмеялся, сел рядом и потрепал её по волосам. Сказал, что нужно немного потерпеть, а когда папа получит первую зарплату, мы обязательно купим что-нибудь вкуснее. Катя серьёзно кивнула, словно заключала со мной важный договор, и всё-таки откусила маленький кусочек бутерброда.

Лена улыбнулась, но в её улыбке чувствовалась усталость. Она уже несколько месяцев тянула почти все расходы на себе и ни разу не упрекнула меня в том, что поиски новой работы затянулись. Только сегодня, когда я начал собираться, она тихо сказала, чтобы я берёг руки. Я удивился, а она пожала плечами и объяснила, что её двоюродный брат когда-то работал на мясокомбинате и после каждой смены приходил домой с глубокими порезами, будто ножи сами находили пальцы. Я ответил, что справлюсь, хотя никогда раньше не работал мясником. На самом деле меня самого пугала эта мысль, но вслух я этого не сказал.

Мясокомбинат оказался гораздо больше, чем я представлял. Несколько длинных серых корпусов соединялись крытыми переходами, над которыми клубился пар, а вокруг без остановки ездили грузовики с логотипом предприятия. Уже возле проходной в нос ударил тяжёлый запах сырого мяса, горячей воды, моющих средств и чего-то металлического, похожего на запах старой монеты, которую долго держали в мокрой ладони. Через несколько минут этот запах перестал казаться чужим и словно прилип к одежде. Мне выдали шкафчик, белый халат, резиновый фартук, высокие сапоги и длинные защитные перчатки. Бригадир по имени Виктор сказал, что привыкну быстро, потому что человек привыкает почти ко всему.

Первую половину смены я почти не разговаривал. Виктор показывал рабочие места, объяснял, где лежит инструмент, как правильно держать разделочный нож, когда менять лезвие и зачем каждый час точить его, даже если кажется, что оно ещё достаточно острое. Всё происходило быстро и без суеты. По подвесному конвейеру медленно двигались свиные туши, а каждый рабочий выполнял одну и ту же последовательность действий, почти не задумываясь о ней. Нож входил в плоть уверенно, точно по намеченной линии, затем в дело вступала пила, после чего туша уходила дальше по цепочке. Здесь не было места эмоциям. Только холод, ритм, опыт и точность движений.

Через несколько часов я поймал себя на мысли, что уже почти перестал обращать внимание на кровь. Она стекала по наклонным металлическим столам в специальные желоба, где её сразу смывала сильная струя воды. Полы мыли постоянно, но бетон всё равно оставался тёмным и влажным, будто за долгие годы впитал в себя слишком многое. Самым громким звуком

в цехе был не шум пилы и не лязг цепей, а короткие удары металлических крюков друг о друга, когда очередная туша переходила с одного участка конвейера на другой. Через несколько часов этот звук начинал казаться таким же естественным, как тиканье часов в собственной квартире.

Под конец смены Виктор отвёл меня в сторону и показал длинный коридор, уходящий в другой корпус. В его конце виднелась тяжёлая металлическая дверь без каких-либо обозначений. Он не стал рассказывать, что находится за ней, и не придумывал страшных историй. Просто сказал, что туда ходить не нужно, потому что это вторая линия и новеньким там делать нечего. После этих слов он сразу развернулся и пошёл обратно, будто разговор был закончен. Я машинально посмотрел на дверь ещё раз и только тогда заметил, что она открывается гораздо чаще, чем должна была открываться дверь помещения, где якобы никто не работает.

Возвращаясь домой, я чувствовал только усталость. Руки гудели от непривычной нагрузки, одежда всё ещё пахла мясом, несмотря на душ, а в голове продолжал звучать размеренный металлический стук конвейера. Лена встретила меня у двери, помогла снять куртку и спросила, как прошёл первый день. Я ответил, что работа тяжёлая, но деньги того стоят. Катя выбежала из комнаты, обняла меня за ноги и радостно сообщила, что сегодня доела всю колбасу и завтра придётся покупать новую.

Я улыбнулся. Тогда я ещё не знал, что именно это обещание станет самым страшным воспоминанием в моей жизни.

Глава 2

Через неделю мне стало казаться, что я проработал на мясокомбинате не несколько смен, а несколько лет. Организм удивительно быстро привыкает к тому, что сначала вызывает отвращение. Уже на третий день запах крови перестал ощущаться таким резким, а ещё через пару смен я спокойно ел принесённые из дома бутерброды прямо во время короткого перерыва, сидя в комнате отдыха, стены которой отделяла от разделочного цеха всего одна металлическая дверь. Старшие рабочие шутили, что если человек способен обедать после первых трёх дней, значит, он останется здесь надолго. Тогда я ещё не понимал, насколько странно прозвучали эти слова.

Коллектив оказался небольшим. Почти все мужчины работали здесь много лет и общались друг с другом без лишних слов. Никто не рассказывал о семье, никто не жаловался на жизнь, никто не обсуждал планы на отпуск. Разговоры сводились к сменам, оборудованию, новым партиям скота и зарплате. Иногда мне казалось, что за пределами комбината у этих людей вообще нет другой жизни. Они приходили ещё затемно, надевали белые халаты, становились к своим столам и двигались с такой точностью, будто выполняли давно выученный ритуал. Когда смена заканчивалась, они молча переодевались и исчезали за проходной.

Я всё чаще замечал вторую линию. Днём её двери почти не открывались, зато ближе к вечеру оттуда начинали доноситься знакомые звуки: скрежет пил, глухие удары, шум работающего конвейера. Иногда из-под двери медленно выползал красноватый ручеек воды после мойки пола, и уборщики тут же смывали его в общий слив. Никто не обращал на это внимания. Один раз я спросил Виктора, почему там работают только ночью, но он даже не посмотрел в мою сторону. Только сказал, что туда нас не касается, и продолжил точить нож так сосредоточенно, будто разговора вообще не было.

На восьмой день не вышел Николай, высокий мужчина с густой сединой, который работал за соседним столом. Он редко разговаривал, но всегда здоровался первым и никогда не забывал пожелать хорошей смены. Утром его место пустовало. Я решил, что он заболел, но уже во время первого перерыва всё-таки спросил Виктора, что случилось. Тот спокойно вытер руки о фартук, сделал глоток горячего чая из металлической кружки и ответил всего одним словом:

— Уволился.

Ответ прозвучал настолько буднично, что никто даже не поднял головы. Разговор сразу перешёл на новую партию оборудования, которую обещали привезти через месяц. Только я ещё несколько секунд смотрел на пустое место Николая, пытаюсь понять, почему человек, проработавший здесь столько лет, ушёл, никому ничего не сказав. Даже в самых тяжёлых коллективах люди обычно прощаются. Здесь же создавалось впечатление, что исчезновение очередного рабочего — такая же часть производственного процесса, как заточка ножей перед началом смены.

Через несколько дней на месте Николая уже стоял новый мужчина. Он работал уверенно, словно разделкой туш занимался всю жизнь. Во время обеда я познакомился с ним поближе. Его звали Андрей, у него тоже были жена и маленький сын, а на мясокомбинат он пришёл из-за денег. Мы разговорились настолько легко, что договорились после смены как-нибудь выпить пива. Он смеялся, рассказывал, как сын боится темноты, и показывал фотографии в телефоне. Я неожиданно поймал себя на мысли, что впервые за всё время работы здесь разговариваю с человеком как с обычным человеком, а не как с частью бесконечного конвейера.

В тот вечер, уже собираясь домой, я снова проходил мимо коридора, ведущего ко второй линии. Дверь была приоткрыта буквально на несколько сантиметров. Изнутри тянуло холодом и доносился знакомый металлический лязг, только ритм там отличался от нашего цеха. Он

был медленнее. Размереннее. Будто по конвейеру двигалось что-то гораздо тяжелее обычных свиных туш. Я невольно остановился, но в этот момент за спиной раздался голос Виктора.

— Домой иди.

Он сказал это спокойно, без раздражения. Я обернулся. Виктор смотрел не на меня. Он смотрел на дверь. И впервые за всё время работы я увидел на его лице не усталость, а страх.

Глава 3

Всю следующую смену я не мог выбросить из головы лицо Виктора. За две недели я успел увидеть его злым, уставшим, раздражённым и даже пьяным после получки, но испуганным — никогда. Этот взгляд длился всего несколько секунд, однако он никак не вязался с человеком, который каждый день спокойно стоял за разделочным столом и мог без дрожи в руках разделывать десятки туш за смену. Если такой человек чего-то боится, значит, причина должна быть очень серьёзной.

Я несколько раз ловил себя на том, что во время работы невольно прислушиваюсь к соседнему корпусу. Сквозь шум нашей линии иногда пробивались глухие удары, короткий звон металла и движение цепного конвейера. Ничего необычного в этих звуках не было. На любом мясокомбинате оборудование работает почти без остановки. И всё же казалось, что вторая линия живёт по своему собственному ритму. Пока у нас заканчивалась одна партия и начиналась другая, там конвейер никогда не умолкал.

Во время обеда я снова попытался заговорить с Виктором. Он сидел один, медленно пил крепкий чай и смотрел в окно, за которым шёл холодный осенний дождь. Я спросил, почему он вчера так отреагировал на открытую дверь. Он долго молчал, будто решал, стоит ли вообще отвечать, а потом негромко произнёс:

— Здесь есть вещи, которые лучше не видеть.

— Что именно?

Он поставил кружку на стол.

— Если хочешь долго прожить, никогда не задавай этот вопрос ещё раз.

После этого он поднялся и ушёл, оставив чай недопитым.

Эти слова должны были заставить меня забыть обо всём. Наверное, любой разумный человек именно так и поступил бы. Но чем сильнее меня пытались удержать подальше от второй линии, тем чаще я думал о ней. Это было похоже на занозу, которую невозможно достать. Пока работа шла своим чередом, мысли отступали. Стоило конвейеру остановиться на санитарную обработку, как взгляд сам собой находил тот длинный коридор с тяжёлой дверью.

Вечером судьба сама дала мне возможность нарушить правило. Один из мастеров попросил отнести коробку с новыми защитными перчатками на склад, который находился в соседнем корпусе. Обычно этим занимались грузчики, но все они были заняты разгрузкой очередной машины. Я взял коробку и пошёл по длинному пустому коридору. В производственных помещениях уже почти никого не осталось. Только вентиляция монотонно гудела под потолком, а где-то далеко продолжал работать конвейер. Проходя мимо второй линии, я увидел, что дверь снова приоткрыта, совсем немного, ровно настолько, чтобы внутрь проникала полоска света. Я остановился. В голове сразу всплыл голос Виктора: «Если хочешь долго прожить...» Я сделал ещё один шаг, потом ещё. Поставил коробку на пол и осторожно заглянул в щель. Помещение было почти таким же, как наш цех. Такие же металлические столы. Такие же подвесные пути под потолком, такие же крюки, такие же белые халаты на рабочих. Разница была в одном — люди внутри работали непривычно тихо: никто не разговаривал, не ругался и даже не смеялся..

Движения рабочих сливались в единый, отлаженный ритм — каждый жест был отточен до автоматизма, будто за долгие годы он въелся в плоть глубже, чем память о собственном дыхании. Я уже собирался отвернуться, убедив себя, что передо мной обычная рутина, ничего пугающего, ничего, что стоило бы разглядывать дольше положенного.

Но тут один из рабочих развернулся боком — и что-то внутри меня дрогнуло, как натянутая струна. На его резиновом фартуке темнела нашивка нашего предприятия — точь-в-точь такая же, как у меня. А чуть ниже, на груди, поблёскивал пластиковый бейдж. Не пустой, не безликий. На нём была фотография. Человеческое лицо.

Только это была не карточка сотрудника. Это было фото того, кто неподвижно лежал на металлическом столе.

Рабочий спокойно снял бейдж, положил его в пластиковый контейнер с десятками таких же карточек и продолжил работу так, словно завершал самую обычную операцию своей смены.

Я резко отшатнулся от двери. В этот момент за моей спиной раздался знакомый спокойный голос.

— Я же просил туда не смотреть.

Я медленно обернулся. Позади стоял Виктор. Сейчас выглядел человеком, который только что понял, что уже ничем не сможет помочь.

Глава 4

Виктор не схватил меня за руку и не попытался силой увести от двери. Он лишь поднял с пола коробку с перчатками и молча протянул её мне. Несколько секунд мы стояли друг напротив друга, пока из-за двери доносился привычный лязг цепей и размеренное гудение конвейера. Наконец он тяжело вздохнул и тихо сказал, что теперь уже поздно делать вид, будто ничего не произошло. В его голосе не было угрозы. Скорее усталость человека, который много раз видел один и тот же конец и давно перестал надеяться, что однажды всё сложится иначе.

Оставшуюся часть смены я почти ничего не помнил. Нож несколько раз едва не выскользнул из рук, а Виктор молча заканчивал за мной работу, не произнеся ни слова упрёка. Когда прозвучал сигнал окончания смены, я первым сорвал с себя фартук и направился к кабинету начальника. В голове была только одна мысль: написать заявление и никогда больше не переступать порог этого места. Деньги уже не имели значения. Мне хотелось только оказаться дома, посадить Катю на колени, обнять Лену и забыть, что существует этот комбинат.

Начальник внимательно выслушал меня, не перебивая. Потом снял очки, аккуратно сложил заявление пополам и положил его на край стола. Он даже улыбнулся, будто услышал совершенно обычную просьбу.

— Конечно, — сказал он. — Мы никого не держим.

От этих слов мне неожиданно стало легче. Я уже начал ругать себя за глупые мысли, за фантазии, которые разыгрались после случайно увиденной сцены. Начальник поднялся из-за стола, открыл дверь и попросил пройти в отдел кадров, чтобы оформить увольнение. Всё выглядело настолько обыденно, что я почти поверил, будто действительно надумал себе лишнего.

Меня провели не в административный корпус, а в тот самый длинный коридор. Я остановился и сказал, что отдел кадров находится совсем в другой стороне. Мужчина в белом халате, шедший впереди, даже не обернулся.

— Для тех, кто увольняется, оформление здесь.

Его голос был спокойным. Таким же спокойным, как голос начальника. Таким же спокойным, как голос Виктора.

Дверь второй линии открылась сама собой. В лицо ударил ледяной воздух. За ней не было ничего, чего я ещё не видел на первой линии. Те же столы из нержавеющей стали. Те же подвесные пути. Те же инструменты, развешанные по местам. Разница заключалась лишь в том, что рабочие поднимали головы и молча смотрели на меня. Не с ненавистью. Не с интересом. Так же, как опытные сотрудники смотрят на новую партию сырья, которую скоро примут в работу.

Я хотел сделать шаг назад, но за моей спиной уже закрылась дверь.

Начальник подошёл к большому металлическому столу, открыл толстый журнал и медленно перелистнул несколько страниц. Затем взял ручку и, не поднимая головы, спросил:

— Фамилия?

Я ничего не ответил.

Он сам назвал мои фамилию, имя и отчество, сверил их с записью и поставил напротив галочку. Ниже уже была заполнена графа с сегодняшней датой. Ещё ниже — мой табельный номер.

Последней оставалась строка, в которой было написано всего одно слово:

«Сырьё».

Начальник поставил подпись. Закрыл журнал. И негромко сказал:

— Приступайте.

Через четыре дня Лена стояла в небольшом продуктовом магазине возле дома. Она почти не спала с тех пор, как ей сообщили, что муж неожиданно уволился и перестал выходить на связь. На мясокомбинате разводили руками, говорили, что он сам забрал документы и ушёл, а больше им ничего неизвестно. В полиции заявление приняли, но честно предупредили, что взрослые люди иногда исчезают по собственной воле.

Когда продавщица пробила покупки, она неожиданно достала из-под прилавка палку дорогой копчёной колбасы.

— Возьмите, — сказала она. — Сегодня у нас акция. От мясокомбината. Почти даром.

Лена колебалась всего секунду.

Дома Катя радостно захлопала в ладоши, увидев новую колбасу. Она сама попросила сделать ей большой бутерброд, откусила сразу половину и счастливо улыбнулась.

— Мам... — сказала она с набитым ртом. — Вот такую покупай всегда. Она самая вкусная.

Лена посмотрела на дочь и впервые за несколько дней тоже слабо улыбнулась.

За окном медленно темнело. На кухонном столе лежала нераспечатанная справка с мясокомбината. В графе «Причина прекращения трудовых отношений» было напечатано одно слово **“Уволился.”**

Эпилог

Прошло чуть больше месяца.

Жизнь медленно возвращалась в привычное русло, хотя слово «привычно» теперь звучало странно. Лена перестала каждый вечер сидеть у окна, ожидая знакомые шаги в подъезде. Следователь несколько раз звонил, задавал одни и те же вопросы и всякий раз заканчивал разговор одинаково: новых сведений нет. На мясокомбинате продолжали утверждать, что муж уволился по собственному желанию, получил расчёт и больше на работу не возвращался. Документы были оформлены без единой ошибки, подписи стояли на всех нужных местах, и спорить с бумагами оказалось невозможно.

Катя быстро привыкла к тому, что дома стало тише. Дети умеют принимать новую реальность быстрее взрослых, если рядом остаётся человек, который их любит. Иногда она спрашивала, когда папа вернётся, но всё реже. Чаще рассказывала, что получила пятёрку, что нарисовала кошку или что подружилась с девочкой из соседнего подъезда. Лена слушала дочь, кивала, старалась улыбаться и убеждала себя, что однажды обязательно узнает правду. Даже если эта правда окажется страшной.

По субботам возле магазина стали проводить небольшие рекламные акции мясокомбината. На улице ставили белую палатку, включали музыку и раздавали покупателям бесплатные дегустационные кусочки новой продукции. Молодой парень в фирменной куртке приветливо улыбался прохожим, рассказывал о высоком качестве, натуральном сырье и современных технологиях производства. Люди останавливались, пробовали колбасу, благодарили и покупали ещё несколько палок домой. Для большинства это был обычный выходной день.

Лена тоже остановилась. Не потому, что хотела купить колбасу, а потому, что Катя уже тянула её за руку к палатке. Девочка взяла маленький кружок копчёной колбасы, быстро съела его и радостно сказала, что именно такую они ели совсем недавно. Парень за прилавком улыбнулся ещё шире, отрезал второй кусочек и протянул его ей бесплатно. Лена поблагодарила, купила одну палку по акции и медленно пошла домой, даже не заметив, как за её спиной грузчики занесли в палатку новую коробку с логотипом мясокомбината.

В это же самое время на проходной комбината стоял молодой мужчина с потёртой спортивной сумкой. Он пришёл устраиваться мясником. Начальник отдела кадров бегло просмотрел документы, поставил несколько печатей и сказал, что ночная смена начинается сегодня. Потом поднялся из-за стола, пожал новому сотруднику руку и проводил его до раздевалки. Перед тем как уйти, он словно между прочим произнёс, что коллектив здесь дружный, работа стабильная, а текучки почти нет.

Новенький улыбнулся.

— Это хорошо. Не люблю места, где люди постоянно увольняются.

Начальник посмотрел на него долгим спокойным взглядом.

— Не переживайте, — ответил он. — У нас это случается не так часто.

Он закрыл дверь раздевалки и, не торопясь, направился по длинному коридору в сторону второй линии.

Конвейер уже работал.

Диагноз

Глава 1

Когда я открыл глаза, первое, что бросилось в них, был белый потолок. Не тот белый цвет, который бывает в новых квартирах после ремонта, а больничный — тусклый, с мелкими трещинами возле углов и неровными следами от старой краски. Несколько секунд я просто лежал, пытаюсь понять, почему проснулся не у себя дома. Голова была тяжёлой, во рту пересохло, а за окном кто-то размеренно стучал по металлу, словно рабочие уже с самого утра что-то ремонтировали. Я сел на кровати, огляделся и почувствовал, как внутри медленно поднимается тревога. Комната была слишком простой, чтобы оказаться гостиницей, и слишком чистой, чтобы напоминать общежитие. Возле стены стояла металлическая тумбочка, у окна — одинокий пластиковый стул, а на двери не было даже ручки с внутренней стороны.

Я поднялся и подошёл к окну. За стеклом тянулся небольшой двор, окружённый высоким кирпичным забором. Несколько человек в одинаковых серых спортивных костюмах медленно ходили по дорожкам, не разговаривая друг с другом. Один мужчина сидел на лавке и долго смотрел себе под ноги, будто пытался вспомнить что-то очень важное. Другой кормил голубей, аккуратно раскладывая крошки на бетонном бордюре. Всё выглядело спокойно, почти мирно, но именно эта тишина казалась неправильной. Ни машин, ни детских голосов, ни привычного городского шума. Только ветер шевелил верхушки деревьев по ту сторону забора.

Дверь открылась неожиданно тихо. В палату вошёл мужчина лет пятидесяти в белом халате. На его лице не было ни строгого выражения, ни дежурной улыбки. Он выглядел так, будто видел меня уже сотни раз. В руках у него находилась толстая папка с документами. Он поздоровался, спросил, как я себя чувствую, и сел на стул, положив папку себе на колени. Я сразу спросил, где нахожусь и почему оказался здесь. Мужчина несколько секунд внимательно смотрел на меня, словно проверял, не шучу ли я, после чего спокойно ответил, что я нахожусь в областной психиатрической больнице и сегодня меня наконец выписывают.

Я рассмеялся. Сначала тихо, потом громче. Смех вырвался сам собой, потому что другого ответа у меня просто не было. Я сказал, что произошла какая-то нелепая ошибка, объяснил, что вчера вечером лёг спать дома, завтра должен был выйти на работу, а жена наверняка уже сходит с ума, не понимая, куда я исчез. Мужчина дождался, пока я закончу говорить, и не перебил ни разу. Затем открыл папку и достал пластиковый файл с несколькими листами.

— Ваше имя — Александр Орлов? — спросил он.

— Да.

— Дата рождения совпадает?

— Совпадает.

— Тогда ошибки нет.

Он положил передо мной медицинскую карту. На первой странице действительно были мои фамилия, имя и отчество. Ниже стояла моя фотография. Не похожая. Не чужая. Именно моя. Только выглядел я на ней заметно старше, чем помнил себя. Волосы были короче, под глазами появились глубокие тени, а на лице застыло какое-то усталое выражение, которого я никогда раньше у себя не видел. Я перевернул страницу и увидел десятки записей с печатями, датами и подписями врачей. Самая ранняя запись была сделана восемь лет назад.

Я поднял голову и сказал, что документы можно подделать. Мужчина спокойно согласился. Потом достал из папки ещё несколько фотографий. На одной из них я сидел в этой самой палате и читал книгу. На другой гулял по двору, который только что видел из окна. На третьей разговаривал с каким-то врачом возле входа в корпус. Фотографии были сделаны в разное

время года. На одной лежал снег, на другой деревья стояли совсем зелёные. Меня словно ударили под дых. Я пытался вспомнить хотя бы один из этих дней, но память оставалась пустой.

— Это невозможно, — сказал я наконец.

— Возможно, — тихо ответил врач. — Именно поэтому сегодня мы и разговариваем.

Я вскочил с кровати и потребовал телефон. Хотел позвонить жене, услышать её голос и закончить этот бессмысленный спектакль. Врач без возражений протянул мне мобильный телефон. Я быстро набрал номер, который помнил наизусть уже много лет. В трубке раздались короткие гудки. Потом механический женский голос сообщил, что такого номера больше не существует.

Я посмотрел на врача. Он ничего не сказал. Только медленно закрыл папку. И впервые за всё утро мне стало по-настоящему страшно.

Глава 2

Меня выписали через час. Всё произошло настолько быстро, что я не успел осознать происходящее. Мне вернули одежду, кошелёк, связку ключей и старый мобильный телефон с разбитым углом корпуса. Телефон включился не сразу. Когда экран наконец загорелся, я увидел дату и несколько секунд просто смотрел на неё, не понимая смысла цифр. Если верить устройству, прошло восемь лет. Я выключил телефон и снова включил его, словно надеялся, что после перезагрузки дата изменится. Она не изменилась. Медсестра молча протянула мне пакет с вещами и пожелала удачи таким спокойным голосом, будто каждый день провожала домой людей, потерявших почти десятилетие собственной жизни.

За воротами больницы шумел город. Машины проезжали по широкой дороге, люди спешили по своим делам, кто-то разговаривал по телефону, кто-то пил кофе из бумажного стакана. Всё выглядело привычно, но одновременно чуждо. Я не мог объяснить почему. Новые вывески, незнакомые модели автомобилей, остановка общественного транспорта, которой раньше здесь не было. Казалось, город слегка сдвинулся, пока меня не было. Не настолько, чтобы перестать быть узнаваемым, но достаточно, чтобы заставить почувствовать себя человеком, вернувшимся домой после слишком долгого отсутствия.

Я решил поехать домой. Деньги в кошельке были другими, банковская карта сменила дизайн, но водитель автобуса без вопросов принял оплату. Всю дорогу я смотрел в окно и пытался найти хоть что-то, что могло бы доказать, что происходящее — нелепая ошибка. Некоторые улицы остались прежними. Старый кинотеатр всё ещё стоял на углу, хотя его фасад давно перекрасили. На месте пустыря, где мы с друзьями когда-то играли в футбол, вырос большой торговый центр. Чем ближе автобус подъезжал к моему району, тем сильнее внутри росло напряжение. Я повторял себе, что сейчас открою дверь квартиры, жена рассмеётся, скажет, что я выгляжу ужасно, и вся эта история закончится.

Автобус остановился возле знакомого двора. Я вышел, медленно прошёл между домами и остановился. Мой подъезд был на месте. Балконы, клумбы, старая детская площадка — всё казалось почти таким же, как раньше. Даже дерево возле входа успело вырасти именно настолько, насколько могло вырасти за несколько лет. Я поднялся на четвёртый этаж и достал ключи. Первый ключ не подошёл. Второй тоже. Третий вообще не входил в замок. Несколько секунд я растерянно смотрел на дверь, потом нажал на звонок.

За дверью послышались шаги. Мне стало легче. Дверь открылась.

На пороге стояла незнакомая женщина лет сорока с полотенцем через плечо. Она удивлённо посмотрела на меня и спросила, что мне нужно. Я извинился и объяснил, что, наверное, ошибся этажом. Потом снова посмотрел на номер квартиры.

Ошибки не было. Это была моя квартира. Я назвал своё имя и сказал, что жил здесь много лет. Женщина нахмурилась.

— Мы купили эту квартиру шесть лет назад, — спокойно ответила она. — До нас здесь жила пожилая семейная пара. Больше никого.

Я попытался объяснить, что это невозможно. Рассказал, где стоял шкаф в прихожей, какого цвета были стены в спальне и что в ванной за кафелем проходит трещина, которую невозможно увидеть, пока не снимешь зеркало. Женщина побледнела. Она действительно знала про трещину. Несколько секунд она молча смотрела на меня, потом тихо попросила подождать и закрыла дверь.

Я услышал, как она с кем-то разговаривает по телефону. Через минуту дверь снова открылась. Вместе с ней вышел высокий мужчина. Он внимательно посмотрел на меня, потом неожиданно спросил:

— Александр?

Я кивнул. Мужчина тяжело вздохнул.

— Хорошо, что тебя наконец выписали.

Эти слова прозвучали так спокойно, будто он ждал именно этой встречи.

— Вы меня знаете? — спросил я.

Он кивнул.

— Конечно.

— Тогда объясните, что происходит.

Мужчина долго молчал, подбирая слова.

— Не здесь, — наконец сказал он. — Пойдём. Нам надо поговорить.

Я посмотрел ему в глаза. В них не было ни насмешки, ни злости. Только жалость. И почему-то именно она напугала меня сильнее всего за этот день.

Глава 3

Мужчину звали Олег. Когда-то мы действительно были знакомы. По крайней мере, он называл такие подробности моей жизни, которые невозможно было узнать случайно. Он вспомнил, как мы вместе работали в одной фирме, как однажды зимой застряли на трассе из-за метели и почти четыре часа ждали эвакуатор, как я терпеть не мог кофе без сахара и всегда носил с собой маленький складной нож. Некоторые из этих воспоминаний казались знакомыми. Некоторые я слышал словно впервые. Чем дольше он говорил, тем сильнее мне хотелось перебить его и потребовать наконец объяснить главное. Вместо этого я молча слушал, потому что понимал: если он действительно меня знает, значит, у него есть ответы.

Мы сидели в небольшом кафе неподалёку от моего бывшего дома. Олег рассказывал осторожно, постоянно делая паузы, будто боялся сказать лишнее. По его словам, первые странности появились много лет назад. Я перестал выходить на работу, перестал отвечать на звонки друзей и почти не покидал квартиру. Когда он однажды приехал ко мне без предупреждения, дверь открыла моя жена. Она выглядела измученной и призналась, что уже несколько недель не может уговорить меня обратиться к врачу. Я постоянно говорил, что за мной следят, что соседи специально передвигают мебель по ночам, чтобы передавать друг другу сигналы, и что телевизор разговаривает со мной через рекламные ролики. Я слушал его и не узнавал самого себя. Казалось, он рассказывает о каком-то другом человеке, которому случайно достались мои имя и лицо.

Я несколько раз пытался возразить, но каждый раз Олег спокойно доставал телефон и показывал очередную фотографию. На одной я сидел на кухне, заросший, с пустым взглядом, и смотрел в выключенный телевизор. На другой стоял у окна и что-то записывал на стене карандашом. Я долго разглядывал снимки, пытаюсь найти признаки монтажа или подделки. Их не было. Если бы кто-то показал мне эти фотографии год назад, я бы решил, что вижу очень похожего человека. Теперь же приходилось признать неприятную вещь: это действительно был я.

Мы расстались ближе к вечеру. Олег дал мне свой номер телефона, сказал, что я могу звонить в любое время, и попросил не оставаться одному хотя бы первые несколько дней. Я поблагодарил его, но сразу понял, что не последую этому совету. Мне необходимо было разобраться самому. Пока кто-то другой рассказывал мне мою собственную жизнь, я чувствовал себя зрителем, которому пересказывают фильм вместо того, чтобы показать его. Я хотел найти хоть одно доказательство того, что всё это ошибка. Пусть небольшое. Пусть нелепое. Но своё.

К вечеру я снял дешёвую комнату в старом доме возле железнодорожного вокзала. Хозяйка оказалась пожилой женщиной, которая почти не задавала вопросов. Она только попросила не шуметь после десяти вечера и вовремя платить за жильё. Комната была тесной, с узкой кроватью, облупившимся шкафом и письменным столом у окна. Именно стол привлек моё внимание. Я купил в ближайшем магазине толстую тетрадь и ручку. Если память действительно могла подвести меня однажды, значит, с этого дня всё происходящее нужно записывать.

Я открыл первую страницу и вывел дату. Затем подробно описал всё, что случилось за день: выписку, встречу с Олегом, разговор в кафе, фотографии, квартиру, в которой теперь жили чужие люди. Закончив, я закрыл тетрадь и машинально положил её в верхний ящик стола.

Там уже лежала точно такая же тетрадь. Потёртая, с заломанными углами. Я медленно достал её. На первой странице моим почерком было написано:

«Если ты читаешь это впервые, значит, снова всё забыл.»

Я почувствовал, как по спине пробежал холод. Руки дрожали так сильно, что пришлось положить тетрадь на стол. Я перевернул страницу. Дальше шёл длинный текст. Самая первая строка гласила:

«Не верь тому, что вспомнишь завтра. Это уже случилось.»

Глава 4

Я просидел за столом почти час, не решаясь перевернуть следующую страницу. Передо мной лежали две одинаковые тетради. Одну я начал сегодня утром. Вторую, судя по потрёпанной обложке и исписанным страницам, вёл уже довольно давно. Самым страшным было не то, что записи оказались написаны моим почерком. Самым страшным было ощущение, что человек, который их писал, прекрасно знал, в какой момент я открою эту тетрадь и что именно почувствую.

Я начал читать медленно, страницу за страницей. Почти каждая запись заканчивалась одинаково. «Сегодня я снова уверен, что они лгут». Или: «Если завтра проснёшься и не пове-ришь этим словам — дочитай до конца». Иногда между страницами лежали чеки из магазинов, автобусные билеты, квитанции за комнату, в которой я сейчас находился. Все даты совпадали. Получалось, что я действительно жил здесь уже несколько недель. Только совершенно этого не помнил.

Я резко захлопнул тетрадь. Мне хотелось выбросить её в окно, сжечь или разорвать на части, лишь бы больше не видеть собственный почерк. Вместо этого я схватил телефон и набрал Олега. Он ответил почти сразу, будто ждал моего звонка. Я спросил только одно: откуда в комнате появилась эта тетрадь. Несколько секунд в трубке стояла тишина, потом Олег устало сказал, что это уже четвёртая такая тетрадь. По его словам, каждый раз после выписки я покупал новую, потому что переставал доверять предыдущей. Каждый раз обещал себе, что теперь всё будет иначе. И каждый раз через несколько дней снова убеждался, что записи подделали.

— Ты не обязан мне верить, — тихо сказал он. — Просто дочитай её до конца.

Я не ответил и сбросил вызов.

Последние страницы были написаны совсем недавно. Почерк становился всё более неровным, некоторые слова были несколько раз зачёркнуты и переписаны поверх. В одном месте я увидел длинный список фамилий. Напротив каждой стояла короткая пометка: «не существует», «подставное лицо», «тоже врёт». Последней в списке была фамилия Олега. Я долго смотрел на неё, не понимая, кто из нас двоих был прав — человек, сидевший сейчас в кафе и спокойно разговаривавший со мной, или человек, который несколько дней назад оставил эти записи.

На самой последней странице было написано всего несколько предложений.

«Завтра ты снова решишь найти Лену. Не ходи. Каждый раз всё заканчивается одинаково. Ты никогда не успеваешь уйти до приезда полиции. Если всё-таки не слушаешь меня, хотя бы не сопротивляйся. Они не причинят тебе вреда.»

Я закрыл тетрадь. Внутри всё протестовало против этих слов. Если существовал хоть один человек, который мог сказать правду, это была моя жена. Я вышел из комнаты, поймал такси и назвал адрес, который помнил лучше собственного дня рождения. Через двадцать минут машина остановилась возле знакомого дома. В окнах четвёртого этажа горел свет. Я долго смотрел на них, собираясь с силами. Потом поднялся по лестнице и нажал на звонок. За дверью послышались шаги. Я улыбнулся впервые за весь день. Наконец-то всё должно было закончиться.

Дверь открылась. Я сделал шаг вперёд. И в этот момент за моей спиной кто-то очень спокойно произнёс:

— Александр... пожалуйста, не надо.

Я обернулся. На лестничной площадке стояли двое полицейских и Олег.

Глава 5

Я отступил назад и почувствовал, как внутри всё оборвалось. Олег медленно поднял руки ладонями вперёд, показывая, что не собирается подходить ближе. Полицейские тоже не спешили. Они смотрели на меня внимательно, но без привычной для задержания резкости. Один из них тихо попросил успокоиться и сказал, что никто не хочет причинить мне вред. Я не слышал почти ничего из того, что они говорили. В голове стучала одна мысль: почему они здесь? Почему именно сейчас? Если за этой дверью Лена, почему она сама не выходит?

Я начал стучать в дверь кулаком. Сначала негромко, потом всё сильнее. Я кричал её имя, просил открыть, говорил, что всё понял, что мне просто нужно увидеть её хоть на минуту. Никто не отвечал. Полицейский осторожно положил руку мне на плечо, но я резко сбросил её и продолжил стучать. Деревянная дверь дрожала под ударами, а лестничная площадка наполнилась моим собственным голосом, который становился всё громче и всё отчаяннее.

Олег подошёл ближе.

— Саша... здесь никто не живёт уже много лет.

— Замолчи!

— Послушай меня.

— Замолчи!

Я чувствовал, что ещё немного, и Лена обязательно откроет. Она просто боится. Она думает, что я снова болен. Нужно только объяснить ей всё спокойно. Нужно ещё немного постучать.

В этот момент дверь действительно открылась. На пороге стояла пожилая женщина, совсем незнакомая. Она испуганно смотрела то на меня, то на полицейских.

— Что здесь происходит? — спросила она дрожащим голосом.

Я молчал. Потом посмотрел на номер квартиры. Он совпадал. Я снова посмотрел на женщину. Она не знала меня.

Дальнейшее восстановили записи камеры видеонаблюдения, установленной на лестничной площадке.

На видео мужчина около сорока лет поднимается на четвёртый этаж и долго стоит перед дверью квартиры № 47. Некоторое время он разговаривает сам с собой, кивает, улыбается, несколько раз делает шаг вперёд, словно его кто-то приглашает войти. Затем начинает оживлённо спорить с пустотой, машет руками, смеётся, а через несколько минут неожиданно принимается плакать.

Дверь квартиры всё это время остаётся закрытой. На записи нет никакой женщины, нет никакой Лены, нет человека, которому мужчина отвечает.

Через одиннадцать минут на площадку поднимаются двое сотрудников полиции и ещё один мужчина. Они спокойно разговаривают с ним, стараясь не делать резких движений. Мужчина продолжает смотреть на дверь и несколько раз произносит:

— Она же сейчас со мной разговаривала...

Спустя ещё две минуты открывается дверь. Из квартиры выходит пожилая женщина в домашнем халате, она испуганно спрашивает, что происходит. Полицейские извиняются перед ней. Мужчина смотрит на неё долгим пустым взглядом, потом тихо произносит:

— Простите... я ошибся...

Он больше не сопротивляется, сам протягивает руки, позволяя надеть на себя мягкие фиксирующие ремни.

Когда его уводят к лестнице, он ещё раз оборачивается, смотрит на закрывающуюся дверь, и едва слышно говорит:

— Лена...

Врач медленно закрыл папку с материалами наблюдения.

— Как он сегодня?

— Спокойнее обычного, — ответила медсестра. — Почти весь день писал.

Врач кивнул.

— Опять дневник?

— Да.

— Не забирайте.

— Но он всё равно перестанет ему верить.

Врач устало снял очки.

— Знаю.

Он открыл последнюю страницу истории болезни и сделал короткую запись.

Пациент ориентирован в месте и времени.

Критика к заболеванию отсутствует.

Убеждён, что полностью психически здоров.

Он поставил дату. Закрыл папку. И выключил свет в кабинете.

Последний зуб

Глава 1

Я никогда не понимал людей, которые годами откладывают визит к стоматологу. Сам тоже не любил лечить зубы, но всегда считал, что несколько неприятных минут в кресле лучше, чем неделя боли. Поэтому, когда зуб мудрости начал напоминать о себе сначала лёгким ноющим ощущением, а потом настоящей пульсирующей болью, я записался в ближайшую частную клинику. Жена только усмехнулась, увидев, как я собираюсь. Она давно говорила, что этот зуб когда-нибудь придётся удалить, и теперь была довольна, что наконец оказалась права. Перед самым выходом она пожелала мне удачи и, смеясь, сказала, чтобы я не устраивал трагедию из-за одного зуба.

Хирург оказался молодым парнем, которому на вид было чуть больше тридцати. Он внимательно посмотрел снимок, несколько раз постучал карандашом по экрану и объяснил, что зуб лежит неправильно. Корни уже начали упираться в соседний зуб, поэтому боль со временем только усилилась бы. Он говорил спокойно, без привычных врачебных страшилок, и этим быстро расположил к себе. После укола анестезии левая половина лица словно перестала существовать. Я чувствовал только сильное давление, слышал неприятный скрип инструментов и один короткий сухой хруст, после которого хирург поднял щипцы с зажатым в них зубом. Он бросил его в металлический лоток, накрыл салфеткой и принялся накладывать лекарство.

Пока медсестра печатала рекомендации, врач ещё раз осмотрел лунку и сказал, что всё прошло даже легче, чем ожидалось. Он предупредил, что первые несколько дней десна будет ныть, может появиться лёгкая температура, а иногда пациенты жалуются на странное ощущение, будто удалённый зуб всё ещё находится на своём месте. По его словам, это обычная реакция нервной системы, которая ещё не успела привыкнуть к изменениям. Он попросил не трогать лунку языком, соблюдать рекомендации и, главное, не искать симптомы в интернете. Я пообещал, что не стану этого делать, расплатился и вышел на улицу с ватным тампоном за щекой, чувствуя только приятное облегчение от того, что всё уже позади.

Следующие три дня прошли спокойно. Отек почти исчез, боль постепенно уходила, обезболивающие оставались нетронутыми в аптечке, а место удалённого зуба перестало привлекать моё внимание. Я вернулся на работу, вечером смотрел с женой фильмы, по привычке жевал только на одну сторону и каждый раз ловил себя на том, что язык всё равно пытается найти пустое место в глубине челюсти. Врач оказался прав: несколько раз мне действительно казалось, будто зуб никуда не исчезал. Стоило провести языком по десне, как мозг словно дорисовывал то, чего уже не существовало. Это ощущение быстро проходило, и я перестал обращать на него внимание.

На четвёртую ночь я проснулся без всякой причины. В комнате было темно, только электронные часы на тумбочке светились зелёными цифрами. Несколько секунд я лежал неподвижно, пытаясь понять, что меня разбудило. Потом это произошло. Где-то глубоко внутри нижней челюсти, там, где ещё недавно находился зуб мудрости, возникло короткое ощущение, которое невозможно было спутать с болью. Мне показалось, что кто-то очень медленно и очень осторожно сжал зубы, а потом так же медленно разжал их. Всё длилось не больше секунды. Я сразу сел на кровати, провёл рукой по лицу, осторожно коснулся щеки и несколько раз провёл языком по заживающей десне. Лунка выглядела совершенно обычной. Никакой крови, никакой боли, никакой припухлости. Только неприятная мысль о том, что ещё минуту назад я совершенно отчётливо почувствовал укус там, где уже не могло быть никаких зубов.

До утра я больше не уснул. Не потому, что испугался. Скорее потому, что пытался найти объяснение произошедшему. В памяти постоянно всплывали слова хирурга о фантомных ощущениях после удаления зуба. Наверное, именно так они и проявляются, убеждал я себя. Организм ещё не понял, что зуба больше нет, а нервная система продолжает посылать привычные сигналы. Это объяснение казалось настолько разумным, что к рассвету я почти успокоился. Перед тем как выйти на работу, я ещё раз посмотрел на себя в зеркало, открыл рот, внимательно осмотрел заживающую лунку и окончательно решил, что ночью просто слишком сильно прислушался к собственному телу.

Я ещё не знал, что следующей ночью это повторится снова. И что утром после этого я впервые найду во рту то, чего там не должно было быть.

Глава 2

На следующий день я несколько раз вспоминал ночное пробуждение, но чем ближе был вечер, тем более нелепым оно казалось. На работе хватало дел, телефон почти не замолкал, а к обеду я вообще перестал думать о зубе. Даже за ужином поймал себя на том, что впервые после операции жую на обе стороны. Жена заметила это раньше меня и с улыбкой сказала, что, похоже, можно считать лечение законченным. Я согласился, хотя перед сном всё равно машинально проверил языком заживающую лунку. Она почти затянулась.

Проснулся я снова среди ночи. На этот раз не стал резко садиться в кровати. Просто открыл глаза и прислушался к себе. Через несколько секунд ощущение повторилось. Оно было таким же коротким, как вчера, только теперь возникло дважды. Медленное, осторожное сжатие где-то глубоко в челюсти, словно кто-то пробовал зубами то место, где уже ничего не осталось. После второго раза всё прекратилось. Я ещё долго лежал с открытыми глазами, но больше ничего не произошло. Когда наконец рассвело, я почти убедил себя, что врач был прав и нерв действительно может вести себя странно после удаления.

Умываясь, я почувствовал, что между дальними зубами с внутренней стороны что-то застряло. Такое бывало после ужина, поэтому я не придал этому значения. Сначала попробовал достать языком, потом сунул палец в рот и осторожно подцепил тонкую тёмную нитку. Она легко вышла наружу. Я посмотрел на неё и не сразу понял, что держу в руках. Это был волос. Очень тонкий, почти чёрный и настолько длинный, что его конец ещё несколько секунд лежал на языке, пока я медленно вытягивал остальную часть. Я автоматически посмотрел на жену. Она всё ещё спала. Волос никак не мог принадлежать ей. Он был значительно толще и длиннее.

Я выбросил его в мусорное ведро и постарался больше об этом не думать. За завтраком несколько раз ловил себя на том, что машинально трогаю языком место удалённого зуба. Ничего необычного не чувствовалось. К вечеру неприятная находка почти стёрлась из памяти. Я даже усмехнулся про себя, решив, что где-то в кафе случайно проглотил чужой волос, а утром он просто оказался между зубами. Объяснение выглядело вполне правдоподобным. Во всяком случае, гораздо правдоподобнее любой другой мысли, которая успела мелькнуть в голове.

Третья ночь оказалась хуже. Я уже ждал пробуждения и всё равно не заметил, как уснул. Открыв глаза, сразу посмотрел на часы. Было почти то же время, что и раньше. Первое сжатие произошло почти сразу. Потом второе. Потом третье. Всё закончилось меньше чем за минуту. Я включил ночник, несколько раз прополоскал рот холодной водой и остаток ночи просидел на кухне, листая новости в телефоне, лишь бы не возвращаться в постель.

Утром ощущение повторилось. Что-то снова мешало между дальними зубами. На этот раз я не стал трогать это языком. Медленно подошёл к зеркалу, открыл рот и взял пинцет из аптечки. Кончик пинцета легко ухватил тонкий чёрный волос. Я осторожно потянул его на себя. Он оказался ещё длиннее вчерашнего. Я вытягивал его медленно, боясь оборвать, и всё это время не мог избавиться от странного ощущения, что волос выходит не между зубами, а именно из того места, где ещё несколько дней назад находился зуб мудрости. Когда он наконец оказался у меня в руке, я машинально измерил его взглядом. Он был почти с моё предплечье.

На работу я в тот день не поехал. Вместо этого достал из мусорного ведра вчерашний волос, тщательно вымыл его под водой и положил рядом с новым на белый лист бумаги. Несколько минут я молча смотрел на них, пытаюсь понять, зачем вообще это сделал. Потом сложил оба волоса в небольшой пластиковый контейнер, который нашёл на кухне, закрыл крышку и убрал в ящик письменного стола.

Я ещё не был уверен, что происходит что-то ненормальное, но впервые поймал себя на мысли, что мне нужны доказательства.

Глава 3

На следующий день я всё-таки поехал в клинику. Всю дорогу пытался придумать, что именно скажу врачу. Рассказать про укусы было ещё можно. Про фантомные ощущения он сам предупреждал после удаления. Но как объяснить волосы? Если честно, по пути я несколько раз хотел развернуться и уехать домой. Представил, как взрослый человек сидит в кабинете стоматолога и уверяет, что каждое утро вытаскивает из собственной десны длинные человеческие волосы. Даже для меня это звучало как бред. В итоге я решил ничего не рассказывать заранее и сначала выслушать врача.

Хирург сразу узнал меня и удивился, увидев так скоро. Он внимательно осмотрел лунку, несколько раз попросил открыть и закрыть рот, осторожно нажал инструментом на десну и удовлетворённо кивнул. По его словам, заживление проходило идеально. Никакого воспаления, никаких признаков инфекции или повреждения нерва он не видел. Тогда я всё-таки рассказал о ночных ощущениях. Врач снова заговорил о фантомной боли и объяснил, что нервная система иногда ведёт себя совершенно непредсказуемо. Я уже почти решился промолчать о волосах, но в последний момент всё же достал из кармана пластиковый контейнер и поставил его на стол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.